

Раздел II

«ЯЗЫК ИСТОРИИ»: В ПОИСКАХ ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА

М.Б. Рагбиль

«УМ» VS «РАЗУМ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ: ОПЫТ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»*

«Лингвистической археологией» я условно именуую определенный комплекс исследовательских стратегий, направленных на реконструкцию самых разных элементов духовной культуры этноса по данным языка. Это такая особенная «археология», которая призвана восстановить сферу «идеального бытия», нематериальные рефлексии духовной эволюции этноса.

По моему глубокому убеждению, именно язык дает нам самые объективные и надежные свидетельства об особенностях знания о мире, системы ценностей и норм поведения этноса, – причем язык в его самых привычных для нас, самых простых, с детства знакомых словах и формах: «В языке закреплен опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надежности никак не уступают данным экспериментальной психологии» [Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993: 27]. Я мог бы добавить: данные языка значительно превосходят данные экспериментальной психологии, которые уж слишком зависят от условий эксперимента и исходных установок экспериментатора. Необходимо только суметь увидеть за данными языка этот тысячелетний пласт народного опыта, народных знаний о мире, системы ценностей и норм поведения.

* Печатается в авторской редакции.

Язык воплощает в себе феномен этнического сознания, который, подвергаясь определенным изменениям с течением времени (речь, разумеется, идет о больших промежутках времени, исчисляемых столетиями), в своих глубинных основах остается в общем и целом неизменным. Эта диалектика стабильности и изменчивости обеспечивает, с одной стороны, межпоколенную передачу опыта без ощутимых информационных потерь, а с другой – адаптацию к постоянно меняющимся условиям внешней среды.

Общую схему, по которой сложившийся у истоков этнообразования народа взгляд на мир, отраженный в языке, каким-то образом транслируется через поколения, описывает О.А. Корнилов: «Национально-специфический компонент сознания формируется при определяющей роли совокупности факторов среды бытования этноса на раннем этапе своего существования, когда под воздействием природно-климатических условий формируются типичные национальные черты, которые отражаются и закрепляются в языке, становясь социально наследуемыми. Впоследствии при изменении или исчезновении тех или иных внешних факторов национальное мышление не перестает ощущать их влияние, поскольку ментально-лингвальный комплекс нации уже сформирован и постоянно самоверифицируется под действием национального языка, "помнящего" действие изменившихся, исчезнувших или потерявших свою значимость факторов внешней среды обитания народа» [Корнилов 2003: 124–125].

Таким образом, можно постулировать существование в языке особого рода единиц, «квантов» духовной культуры, которые непостижимым пока для нас образом структурируют «культурную память» этноса. Эти единицы именууются по-разному: «ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], «культурные доминанты» [Карасик 2002], «культурно-этнические доминанты» [Корнилов 2003], «аксиологемы», «лингвокультуремы» и пр. Ср., например: «В каждой национальной культуре можно обнаружить специфические черты, которые играют особо важную роль в формировании национального характера и национального менталитета. Такие черты мы предлагаем называть *культурно-этническими доминантами*. Именно эти доминанты детерминируют национальные особенности поведения, мироощущения и мирооценки» [Корнилов 2003: 180].

В последнее время сравнительно устоявшимся следует признать терминопотребление «культурные концепты». Так, например, назывался очередной сборник проблемной группы «Логический анализ языка», вышедший в 1991 г. В предисловии к этому изда-

нию его главный редактор Н.Д. Арутюнова пишет: «Человек живет в контексте культуры. Она является для него «второй реальностью». Он создал ее, и она стала для него объектом познания. Природа познается извне, культура – изнутри. Ее познание рефлексивно. Чтобы в нем разобраться, нужно проанализировать метаязык культуры, и прежде всего ее ключевые термины, такие, как «истина» и «творчество», «долг» и «судьба», «добро» и «зло», «закон» и «порядок», «красота» и «свобода». Эти понятия существуют в любом языке и актуальны для каждого человека... Мировоззренческие понятия личностны и социальные, национально специфичны и общечеловечны. Они живут в контекстах разных типов сознания – обыденном, художественном и научном. Это делает их предметом изучения культурологов, историков религий, антропологов, философов и социологов» [Арутюнова 1991: 3]. А академик Ю.С. Степанов в своем словаре «Константы: Словарь русской культуры» справедливо утверждает, что «русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты. Это такие концепты, как «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Страх», «Любовь», «Вера» и т.п. Давно замечено, что количество их невелико, базовых – четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» [Степанов 1997: 9].

Именно культурные концепты выступают в качестве основных единиц ценностной сферы языкового менталитета, организующих и направляющих народное самосознание в процессе духовного освоения мира. Для русского языка, например, это такие слова, как *воля, удаля, соборность, подвиг, совесть* и т.д. Их содержание может развиваться, обогащаться со временем, но в основе своей они имеют нечто неизменное. Культурные концепты находят свое языковое выражение в словах и выражениях естественного языка, воплощающих значимые для этноса смыслы и приобретающих тем самым особый, оценочный тип семантики.

Итак, **культурные концепты** – это культурно-значимые смыслы, ключевые идеи и представления национальной культуры. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов 1997: 43]. Анализ концептуального содержания концептов позволяет получить доступ к умопостигаемым, чувственно не воспринимаемым сущностям –

запорным точкам народного самосознания» (по словам В.В. Колесова). Это, по сути, и есть «лингвистическая археология».

Принятый в работе подход к анализу концептуального содержания концептов обоснован в моем учебном пособии «Основы изучения языкового менталитета» [Радбиль 2010]. Его суть заключается в общем виде в том, что «мы ищем не то, что ушло, а то, что осталось». Иными словами, интересующие нас ключевые смыслы должны быть актуальны для носителей современного языка, регулярно воспроизводиться в речевой практике, так сказать, в «фоновом режиме», подчас незаметно для самих говорящих, в неотрафлексированном виде.

То, что *стол*, например, это не просто предмет мебели, а воплощение культурно-значимой для русских идеи гостеприимства, не содержится в словарном толковании лексемы *стол*. Все это надо реконструировать точно так же, как астрономы реконструируют размеры и свойства отдаленных от нас на тысячи световых лет светил по наблюдаемому реликтовому излучению. Речь идет о способах выявления неявного, имплицитного концептуального содержания, скрытого в пресуппозитивной части семантики единиц современного языка. Согласно этой точке зрения, релевантными в плане изучения национальнообусловленных представлений о мире в языке будут только такие представления, формирующие картину мира, которые входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь.

«Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 9]. Поэтому важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. Более того, важно, что они не только считали это само собой разумеющимся когда-то, еще в эпоху крещения Руси, но и продолжают это делать сегодня, именно сейчас.

Таким образом, именно в нашем живом, современном, повседневном языке рассыпано множество «ключей» к пониманию особенностей нашего образа мышления и нашего характера – надо только отыскать эти ключи. А. Вежицкая в свое время правильно говорила о том, как трудно дать исчерпывающее толкование содержания какого-либо этноспецифичного концепта, к примеру, русского

концепта *тоска* – для иностранца. Ну а для русского, вы думаете, легче? Мы ведь и сами не понимаем концептуального содержания ключевых слов своей собственной национальной культуры: мы просто живем в этих словах, и при этом мы, незаметно для нас самих, оцениваем мир и действуем в мире сообразно этим словам. Одним из наиболее ярких национально-специфических черт отечественной концептосферы выступает наличие **двойных рядов представлений** (ментальных репрезентаций) одного понятия, которые образуют своеобразную концептуальную связку – оппозицию. Например, на фоне единого английского концепта *truth* в русском языке мы имеем не только *истину*, но и *правду*, английскому *freedom* соответствует русская концептуальная связка *свобода/воля*, и этот ряд оппозиций можно продолжить – *дух* и *душа*, *добро* и *благо*, *совесть* и *стыд*, *долг* и *обязанность* и пр.

Причем наличие квазисинонимической оппозиции в отечественной концептосфере не является приметой одних только философских или этических понятий. Последовательное противопоставление «высокого» и «низкого» регистров в репрезентации одной и той же идеи прослеживается в самых разных концептуальных областях – от конкретных вещей, признаков или процессов до высокоспециализированных ментальных абстракций (*град* – *город*, *рождать* – *рожать*, *очи* – *глаза*, *прекрасный* – *красивый* и пр.).

Это явление, вначале обусловленное вполне конкретной причиной – наличием функционально распределенных рядов номинаций одного и того же явления по бытовому (исходному древнерусскому) и по «высокому» типу (по происхождению церковнославянскому), затем вышло за рамки простой вариативности древнерусского и церковнославянского стилических пластов в лексике национального языка. Если оценивать подобную дублетность с, так сказать, лингво-философских позиций, то можно предположить, что наш язык имеет возможность концептуализировать явления и события как бы в двух модусах – как торжественно-величавое, особенно значительное для говорящего, или как приземленно-бытовое, обыденное, т.е. говорить об идеальном бытии вещи и ее реальном существовании (утверждая тем самым такое своеобразное языковое «двоемирие» вещи: ведь не всякие глаза – очи, не всякий город – град и пр.).

В рамках указанного ценностного «двоемирия» следует рассматривать и уникальную русскую концептуальную связку *ум/разум*. Общими для всех рядов квазисинонимических противопоставлений русских концептуальных связок являются два параметра: (1) оппозиция «внутреннего» и «внешнего», (2) оппозиция возвышенного и утилитарного [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005].

Вообще говоря, противопоставление между «высоким» и «низким» не есть сущностное свойство именно русского мира: это – одна из констант христианской цивилизации. Национально-специфичным признаком является сама **тотальность** этого противопоставления, которое пронизывает, как уже было сказано выше, самые разные области национальной концептосферы, разные сферы языка, его фонетики, лексики и грамматики, сама культурная и практическая значимость, я бы сказал, **облигаторность** этого противопоставления для говорящего в отечественной речевой практике, независимо от конкретной ситуации общения.

Культурный концепт как сложное лингво-когнитивно-поведенческое образование в своей непосредственно воплощенной в слове вербальной зоне имеет семантическую *структуру*, или *семантическую модель*, устроенную иерархически: концептуальное содержание слова реализуется не столько в системном, т.е. словарном значении слова и выражения, сколько в особенностях актуализации его *парадигматических* (синонимия, антонимия, гипогиперонимия, ассоциативные сближения), *синтагматических* (особенности сочетаемости/несочетаемости) и *деривационных* (словообразовательный потенциал) свойств. Кроме этого, важной представляется и *этимология* слова, демонстрирующая его внутреннюю форму, то есть то, как именно, через какие семантические признаки этнос представлял себе данное явление [Радбиль 2010].

Таким образом, я в своих рассуждениях буду придерживаться обычной для концептуального анализа схемы: 1) анализ этимологии; 2) анализ языковой (словарной) семантики слов; 3) анализ парадигматических сближений и расхождений (квазисинонимия, квазиантонимия и пр.); 4) анализ синтагматических свойств (сочетаемости); 5) анализ деривационных (словообразовательных) реализаций.

УМ vs РАЗУМ

1. Этимология. Этимология слова *оумь* («ум») не вполне ясна, однако есть основания полагать, что это – суффиксальное распространение (с суф. *-m-) того же чередующегося корня *ou/op/ū, что и в словах *уч-ить*, *на-у-ка*, *на-вык* и пр. [Шанский, Боброва 1994]. *Разоумь* (церковнославянский вариант исконно русского *розоумь*) является префиксальным дериватом на базе *оумь*.

Этимологические данные для слова *ум* позволяют выделить в нем базовые семантические представления, связанные с идеей научения, умения, т.е. некой рациональной «технологичности». Со словом *разум* дело обстоит несколько иначе.

Вообще говоря, особенность русской концептуальной связи оппозиции *ум/разум* (по аналогии, например, с *дух/душа*, *прекрасный/красивый* и пр.) состоит в диалектическом противопоставлении ее компонентов при осознании их коренной общности. Проще говоря, это однокоренные слова.

Однако в случае с *ум/разум*, как с аналогичными *дух/душа*, на концептуальном уровне как бы «разводятся» по разным полюсам понятия, которые на уровне языковом являются семантически сходными, в том числе в силу их однокоренного характера. Поэтому, будучи синонимами (точнее, «квазисинонимами») на языковом уровне, на концептуальном уровне разум и ум – скорее, антонимы («квазиантонимы»). Как раз указанная антонимичность и поддерживается этимологически, поскольку одно из значений приставки *раз* – «отсутствие чего-либо». В этом смысле разум можно трактовать как «отсутствие ума»: ср. *раз-уметь* «держат в уме не прямо, втуне» – и подразумевать.

II. Семантические свойства. Анализ системно-языковой (словарной) семантики развивает намеченное выше концептуальное противопоставление *ума и разума*.

УМ: «1) умение мыслить логически; 2) умение рационально рассуждать», т.е., иными словами, умственные (мыслительные) способности, интеллект.

РАЗУМ: «1) способность мыслить логически и творчески; 2) высшая ступень познавательной деятельности; 3) сознательность; 4) ментальное в противоположности чувственному», т.е. сознание как высшая творческая сила, то, что обобщенно принято именовать *дух*.

Уникальная русская концептуальная связка *ум/разум* специфична уже самим наличием *двух* обозначений для *одной* концептуальной области: в других европейских языках разграничение ума и разума нерелевантно, там, как правило, одно слово передает оба значения – англ. *mind*, лат. *mens (mentis)*, др.-греч. *νοῦς*, франц. *esprit* и др.

Поляризация концептуального пространства интеллектуальной деятельности посредством оппозиции *ум и разум*, таким образом, осуществляется по двум параметрам:

1. Противопоставление «высокого» и «низкого». Анна А. Зализняк справедливо полагает, что ум следует вписать в рамки бинарной оппозиции «душа – тело», причем русский язык отводит *уму* место в «низкой» сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 158]. Ср. также замечание Анны А. Зализняк о том, что косвенным доказательством невысокой оценки *ума* в русской си-

стеме ценностей является положительная оценка идиомы *без ума* (от *кого/чего-л.*) и слова *изумительный* (*изумиться* первоначально значило «лишиться ума» – ср. *из ума (выйти)*).

Совершенно иначе трактуется разум, как, например, это сделано Е.В. Урысон в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»: *разум* «предстает как высшая способность человека, ставящая его над остальным миром...» [Урысон 1997: 448]. *Разум*, безусловно, имеет положительную оценочность: неслучайно именно *разум* рассматривается как предельно высший уровень эволюции, признаки разума ищут астрономы во Вселенной, наличие атрибута «разумности» отличает человека от других живых существ на Земле.

2. Противопоставление «внешнего» и «внутреннего». *Ум* выступает как характеристика, имманентно присущая человеку, т.е. как внутреннее свойство, способность человека, ср. *склад ума* (не **разума*). *Разум* – то, что привносится в человека извне, от Бога, ср. *божественный разум*, не *ум*, *мировой разум*, не *ум*. Нетрудно видеть, что это противопоставление коррелирует с первым: в качестве «высокого» трактуется то, что привнесено извне, как дар Бога, тогда как «низкое» связано с земной, телесной жизнью человека, т.е. с собственно человеческим началом.

Подтверждением этого является своеобразный «тест на метонимию» для слов *ум* и *разум*. Слово *ум* метонимически переосмысливается как человеческое существо – ср. значение «человек в аспекте его умственной деятельности»: *лучшие умы человечества*, *научные умы*. Слово *разум* метонимически употребляется только для обозначения некой высшей силы вселенной (Бога и пр.). При этом неслучайно и расхождение в морфологических характеристиках получившихся метонимий: *ум* легко приобретает множественное число (*умы*), тогда как нельзя – **разумы*. Грамматически – у слова *разум* невозможно множественное число: это единая сущность, как бы «порциями» нисходящая в мир человека. Поэтому все мы относимся к виду *человек разумный* (опять же возможно только в единственном числе), хотя есть среди нас и не очень *умные*.

Кстати, научную валидность «теста на метонимию» подтверждает возможность его применения к другим концептуальным оппозициям. В частности, в работе [Радбиль 2010] я применил его к словам *дух* и *душа*. Было обнаружено, что слово *душа* переосмысливается как человеческое существо (*мертвые души*, *на душу населения*, *сто душ крепостных*), а *дух* – как существо сверхъестественное (*злые и добрые духи*, т.е. демоны): значит, *душа* – человеческое, а *дух* – внечеловеческое, «божественное».

«Человеческое» (а значит — «низкое») происхождение *ума* и *души* подтверждают и естественноречевые модели концептуальной метафоризации, согласно которым в «наивной» картине мира и *ум*, и *душа* — это своего рода органы (это коррелирует с оппозицией *голова* и *сердце*, которые метонимически также способны обозначать, соответственно, *ум* и *душу*).

Поляризация *ум/разум* по двум указанным параметрам подтверждает и анализ парадигматических, синтагматических и деривационных свойств указанных концептуальных единиц.

III. Парадигматика концептов. Противопоставление *ум* и *разум* подкреплено в ассоциативно-семантическом поле противостоянием *ведание* = *понимание* «высшее знание, интуитивное, целостное усмотрение» ↔ *знание* «верифицируемое, добытое рационально-логическим путем». Иными словами, *ум* — это анализ, а *разум* — это синтез. Ум не создает нового знания, а лишь систематизирует уже существующее, тогда как разум есть основа творческой мыслительной деятельности человека.

Синоним слова *ум* — метонимическое употребление слова *мозг*, т.е. название органа, где *ум* помещается, а синоним слова *разум* — *дух*, сущность, как было сказано выше, трансцендентная, вне мира человека. Слово *ум* в национальной концептосфере ассоциативно сближается (синонимизируется) с такими понятиями, как *рассудок*, *интеллект*, т.е. с тем, что в общем виде покрывается понятием *рациональное*. Слово *разум* входит совсем в другой ряд ассоциативных (квазисинонимических) сближений — это, как было отмечено выше, прежде всего *дух*, а иногда и — *мудрость* (латинское *homo sapiens*, дословно — «человек мудрый»), мы отнюдь не случайно передаем как *человек разумный*.

Ум — отвлечен, *разум* — погружен в жизнь. Поэтому отсутствие *ума* мы обычно связываем с глупостью, а отсутствие *разума* — с неадекватностью, с неумением вести себя сообразно обстоятельствам.

IV. Синтагматика концептов. Единственный контекст, где дистрибуция (сочетаемость) *ума* и *разума* совпадает — это устойчивое сочетание учиться *уму-разуму*, которое воспринимается как устойчивая поэтическая формула в фольклорной речевой стихии. Однако и здесь можно видеть не простой повтор или градацию (*разум* — то же, что *ум*, но в большей степени), но также и определенное расхождение — *ум-разум* можно трактовать как разные стороны общего понятия интеллектуальной деятельности.

Даже если дистрибуция формально совпадает, как, например, в *лишиться ума/разума*, выражения имеют значительно различающийся смысл: лишиться *ума* — значит «потерять рассудок» (ср. *умалишен-*

ный), а *лишиться разума* — лишиться способности понимания и, как следствие, умения адекватно вести себя в мире.

Большинство же контекстов для *ума* и *разума* не совпадает существенно. Так, *ум* как внутреннее, имманентное свойство человека может мыслиться в большей или меньшей степени и потому легко присоединяет определители с семантикой степени: *сильный/слабый ум*, *большой ум*, *глубокий ум*, *выдающийся ум* и пр. *Разум* же вообще плохо подчиняет себе количественные и качественные определители (нельзя **большой, глубокий, сильный разум*), т.е. он либо есть, «снизошел» на человека, либо его нет вообще. Поэтому слово *разум* может при себе иметь в качестве определителя только относительные или относительно-притяжательные прилагательные: *мировой, божественный, человеческий, неземной, инопланетный разум* (т.е. *разум* характеризуется только по «точке» локализованности).

Это подтверждается и глагольной сочетаемостью. Ум как свойство человека, мыслимое в большей или меньшей степени, можно *развить*, его можно *упражнять*. *Разум* можно *иметь* или *не иметь*, *обрести* (ср. дериват *вразумить*) или *утратить*, *потерять* (в смысле — весь, целиком).

V. Деривационный (словообразовательный) потенциал. Различия между *умом* и *разумом* доказываются расхождением в семантике прилагательных на базе этих слов. *Умный* — «интеллектуальный, хорошо и умело мыслящий логически», а *разумный* = *мудрый, сознательный*, т.е. «понимающий, действующий адекватно ситуации». *Умный ход* — правильный ход, ведущий к выигрышу, но *разумный поступок* — мудрый поступок, учитывающий жизненные обстоятельства. Аналогично — ср. *неумный*, т.е. *глупый*, «с низким уровнем интеллекта, способности рассуждать», и *неразумный* «лишенный разумности, т.е. здравого смысла» или «не умеющий адекватно, сознательно вести себя в предлагаемых обстоятельствах» (ср. *благоразумие* — тоже относится к поведению, а не к рассудку). Иногда поэтому *неразумность* связывают с отсутствием житейского опыта — *неразумный* обычно говорят о детях, которые при этом вовсе не обязательно *неумные*.

Это подтверждают и глагольные дериваты. Так, *разуметь* (этимологически восходящее к *разум*) → *понимать* (то же: *уразуметь* = *понять*), т.е. постигать («схватывать») интуитивно, в противовес сниженно коннотированной в русской культуре способности *постигать умом* (вспомним знаменитую строку про Россию из стихотворения Ф.И. Тютчева), т.е. с помощью рассудка, логически-рациональным способом. Ср. на фоне *разуметь* глагол *уметь*, исторически восходящий к *уму* и отражающий его, так сказать, «технологическую» сторону (ср. также этимологически родственное *навык*).

Другую, оценочную, сторону противопоставления *ума* и *разума* в поле оппозиции «низкое» – «высокое» демонстрируют такие производные, как, например, *умничать*, *умствовать*, *заумь*, имеющие явную отрицательную оценочность, в противовес однозначно положительному *разумность*, и особенно – *разумница* (вспомним известную русскую народную сказку с таким названием). В паре *умник* – *разумник* очевидно, что потенциально *умник* легко приобретает отрицательную коннотацию (хотя и не всегда), тогда как *разумник*, скорее, будет коннотировано положительно. Единственное исключение – позитивно окрашенное слово общего рода *умница*, которое, возможно, приобрело эту окраску на фоне более древнего *разумница*. В свою очередь, отсутствие ума – безумие – не всегда плохо: в книжной культуре, восходящей к романтизму, это состояние может характеризоваться как некое возвышение творческого и непонятого духа над «серой» и заурядной обыденностью [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 159] – ср. также поэтизм высокое безумие.

* * *

Итак, *ум* в русской концептосфере имеет негативную оценочность, в отличие, к примеру, от латинского нейтрального *ratio* («ум, рассудок») или западных обозначений этого понятия – ср. анализ английского *mind* в работе [Вежбицкая 1997] или французского *esprit* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Да и в целом — все, что связано с рациональным, «отвлеченно-логическим» типом мышления и вообще – «холодно-рассудочным» отношением к жизни, в русской культуре оценивается отрицательно. *Рассудочность*, *рационализм* как норма жизни неприемлемы для русской культуры, что существенно отличается от положительной коннотированности идеи рационализма, например, во французской культуре, где и зародились движения Просвещения, культ «рацио», в протестантской этике англосаксонской культуры и пр.

Разум как воплощение житейской опытности, мудрости, способности к пониманию как целостному интуитивному «схватыванию», напротив, оценивается положительно. Вспомним здесь героиню одноименной сказки «Разумница». Разум – это в том числе и способность принять неизбежное, смириться с непредсказуемостью мира. И, наоборот, «поскольку ум состоит, в частности, в способности правильно предсказывать ход развития событий..., трудно ожидать, чтобы эта способность высоко ценилась в рамках идеологии о непредсказуемости мира...» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 159].

Все вышесказанное во многом подтверждают и известные факты из истории русской культуры. Так, излюбленный герой русских сказок – Иван-дурак, такой нетипичный «трикстер», который наро-

что, в области анти-поведения, отрицает право на рассудочный тип поведения («как все»), но обладает высшим разумом, связанным с добром и справедливостью, интуитивным знанием правды. С этой ключевой концептуальной связкой-оппозицией связан и постоянный интерес русского народного сознания к убогим и юродивым, «странным» и «чудакам» (которые лишены *ума* в обыденном рациональном понимании) как к тем, кому ведомо нечто интуитивно и мистически постигаемое, т.е. как к носителям некоего трансцендентного, логическим путем не постижимого «разума».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1993. № 3.
2. *Арутюнова Н.Д.* От редактора // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов. ИЯ АН СССР / отв.ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997.
4. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2005.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
6. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003.
7. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010.
8. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
9. *Урысон Е.В.* Ум, разум, рассудок, интеллект // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. Вып. 1.
10. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

